Порядочность — это все

В 1935 году Марте Грэм выпал шанс всей жизни: ее пригласили выступить на предстоящей Олимпиаде. Танцевать на мировой сцене — возможность, от которой не позволил бы себе отказаться ни один талантливый или целеустремленный человек.

И все же так она и поступила.

«Три четверти моей группы — евреи, — сказала она эмиссарам из Берлина. — Неужели вы думаете, что я поехала бы в страну, где с сотнями тысяч единоверцев обращаются так же жестоко и безжалостно, как вы с евреями?»

Делегация нацистов, потрясенная тем, что выгоды оказалось недостаточно и что танцовщица не хочет отводить глаза, как поступали все остальные, к кому они обращались, попробовала применить другую тактику. «Если вы не приедете, — сказали они, — то все об этом узнают, и это будет плохо для *вас*».

Однако Грэм не сомневалась, что все как раз наоборот. «Если я не приеду, — ответила она, — все узнают почему, и это будет плохо для вас».

Возможно, танцовщица жила впроголодь, ведь к тому моменту ей было уже за сорок, и ей не помешали бы деньги и шанс выступить. Но это не стоило ущерба для порядочности. Это не стоило ее души. Поступая в соответствии со своими принципами, она наносила публичный удар по тому злу, которое тогда осудило еще недостаточно людей.

«Порядочность — одно из тех слов, что многие хранят в ящике стола с наклейкой “слишком сложно”», — размышлял адмирал Джеймс Стокдейл после своего пребывания в «Ханой Хилтон», печально известной тюрьме Северного Вьетнама*.

---

* Официально тюрьма называлась Хоало. «Ханой Хилтон» — прозвище, данное американскими пилотами, попавшими в плен.

Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа

И это очень трудно!

Фрэнсис Скотт Фицджеральд в одном из своих рассказов демонстрирует, как герой выбирает между тем, чтобы разрушить свою карьеру на Уолл-стрит и поступить по справедливости по отношению к бедным фермерам, участвующим в сделке: «Люди говорят о мужестве убеждений, но в реальной жизни из-за долга человека перед своей семьей жесткий курс может показаться эгоистичным потаканием собственной добродетельности».

Хотя Улисс Грант стал архитектором победы Союза в Гражданской войне, его отношение к рабству было сложным, как и у многих американцев того времени. Грант воспитывался в свободном штате, и его отец был ярым аболиционистом; в то же время жена выросла в комфорте рабовладельческого хозяйства. Кроме того, нужно учесть и экономические реалии: после того как Грант демобилизовался из армии в 1854 году, он занимался фермерством на участке в 80 акров*, где построил дом из бревен под названием «Хардскраббл»; поскольку ферма не приносила дохода, он также зарабатывал продажей дров на перекрестках Сент-Луиса.

Превратившись из военного капитана в нищего фермера и оказавшись в ужасном финансовом положении, Грант неожиданно получил в собственность раба по имени Уильям Джонс — вероятно, «подаренного» ему семьей жены. Теперь игнорировать свое давнее недовольство рабством Грант не мог: оно больше не являлось уделом каких-то других людей или источником лишь косвенной выгоды. *Он сам* оказался владельцем другого человека.

С такой несправедливостью Грант был не в силах смириться. Даже если это несло спасение, о котором он молился. Даже если это давало выход из унизительной, изнурительной нищеты. Двадцать девятого марта 1859 года Грант освободил Уильяма Джонса, что дорого ему стоило. Мы можем представить, как Грант пытается объяснить жене, что он освободил раба «ценой» 1000 долларов**, потому что не мог мириться

---

* Около 32 гектаров.

** В современных ценах это свыше 30 тысяч долларов.

Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа

с его продажей, и как она смотрит на измученного и разбитого выпускника Вест-Пойнта, снова бредущего на свои поля*.

Всего лишь человек, едва заметный в масштабах системы, поработившей на тот момент около четырех миллионов мужчин, женщин и детей, — но это не меняло значимости деяния для него одного. Для самого Гранта это тоже кое-что значило, хотя он вряд ли мог позволить себе на том задерживаться. Ему следовало возвращаться к работе — уважаемому, хотя и мучительному труду по сравнению с тем, как добывали хлеб другие люди**.

Порядочность — это правильная жизнь. Не делать то, что может сойти тебе с рук, или то, что делают все остальные.

Как правило, нет ничего незаконного в том, чтобы продавать вещи тупым людям, которые не знают ничего лучшего. Лишь в немногих случаях нарушение слова оказывается преступлением. По сути, в Америке ложь — даже очень серьезная — защищена Первой поправкой***. Но тот факт, что мы *можем* что-то делать, не означает, что мы *должны*.

У каждого из нас есть свои обязательства, взгляды, стимулы в жизни. Мы будем сталкиваться с дилеммами. Мы будем испытывать досадные моральные затруднения, встречаясь с искушениями, с логикой той или иной ситуации. Стокдейл, безусловно, знал это. Он был отцом, гражданином, офицером — он был человеком, пытавшимся просто *выжить*

---

* Ни на какие поля Грант не возвращался, поскольку еще в январе 1859 года начал работать в Сент-Луисе (осенью 1858 года он заболел и уже не мог трудиться на ферме). Кроме того, неизвестно, сколько времени Джонс проработал у Гранта: возможно, это происходило в 1858 году, когда Грант перевез семью из Хардскраббла на плантацию Уайт-Хэвен, принадлежавшую тестю Фредерику Денту. Неизвестно даже, был ли это подарок или Грант просто купил раба у тестя. В документе об освобождении об этом не говорится, а в других местах, включая свои знаменитые мемуары, Грант нигде Джонса не упомянул. Дальнейшая судьба Уильяма Джонса неизвестна. В любом случае в истории он — последний раб, которым владел какой-либо президент США.

** Как и в случае с Линкольном, взгляды Гранта на законность рабства будут меняться вплоть до Гражданской войны.

*** Первая Поправка к Конституции США гарантирует, в частности, свободу слова.

Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа

в отвратительном, мучительном мире военнопленных. Его избивали. Ему также предложили шанс избавиться от боли: нужно просто помочь тюремщикам… и себе. «Порядочность человека может дать ему то, на что можно опереться, когда картина кажется размытой, — объяснял он, — когда кажется, что правила и принципы шатаются, и когда он сталкивается с трудным выбором правильного или неправильного. Это то, что удерживает человека на истинном пути, то, что помогает ему держаться на плаву, когда его тянет ко дну».

Существует такое выражение: «Если принцип *не стоит вам денег*, это не настоящий принцип»*. Порядочность перестает быть абстракцией, когда жизнь предоставляет вам возможность действовать в соответствии с ней. Тогда порядочность становится реальностью. Она подтверждена. Вы доказали свою ответственность. Но она не только что-то у нас забирает. Она также направляет нас, поддерживает и обнадеживает.

Однажды к философу Паконию Агриппину обратился человек, приглашенный на одно из знаменитых пиршеств Нерона. Он подумывал пойти, поскольку, как бы чудовищен ни был император, он не хотел наживать себе врагов. Он спросил, что думает по этому поводу Агриппин.

— Иди, — сказал философ.

— Но ты не пойдешь, — заметил тот.

— *Я? И не собираюсь*.

Порядочность уже ответила за него**.

Как смогла бы Грэм смотреть в глаза своим еврейским друзьям, — тогда и позже, когда открылись истинные ужасы нацистского режима, — зная, что отдала свое имя для пропаганды? В те ужасные годы Гранту было тяжело, но он знал, что его руки чисты. Пусть в кровавых мозолях и волдырях, но чисты.

---

* Фраза выдающегося рекламиста Билла Бернбаха.

** Автор пересказывает следующий фрагмент Эпиктета: «Поэтому Агриппин Флору, раздумывавшему, следует ли выступить в зрелищах Нерона, чтобы и самому исполнить какую-то роль, сказал: “Выступи”. А когда тот спросил: “Почему ты сам не выступаешь?” — он ответил: “Я и не думаю”». Эпиктет, «Беседы», книга I. Перевод Г. А. Тароняна.

Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа

Почитать описание и заказать в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Взрослые книги: